

ПРАЙМ

Иллюзия
рая

Книга третья

трилогия «Протокол А»

Рудольфо Валентино

А

Рудолфо Валентино

Прайм. Иллюзия рая

<https://litres.ru/73988349>

SelfPub; 2026

Аннотация

2888 год. Восемьсот пятьдесят два года спустя. Артур просыпается снова — рядом Мелиса, двое солнц за окном, Средиземное море всё так же невозможно синее.

Он был первым. Прайм — тот кто проложил путь к вечной жизни. За ним пошли все: друзья, дочь, любимые. Они воссоединились. Казалось — это и есть рай.

Но физические константы слишком точны для природы. Детали повторяются с математической точностью. Тамерлан находит в данных реальности края — как в программе где за картой начинается пустота.

Мир — симуляция. И те кто снаружи выходят на связь.

Финальная книга трилогии о самом главном: имеет ли значение что рай иллюзорен — если любовь внутри него настоящая?

Содержание

Пролог. 2888	5
Глава 2. Алекс	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рудолфо Валентино Прайм. Иллюзия рая

ПРАЙМ. ИЛЛЮЗИЯ РАЯ

роман

Рудольфо Валентино

* * *

Книга третья

Пролог. 2888

Нигде. Везде. До первой секунды.

Время в 2888-м не начиналось. Оно просто — было.

Он всплыл из него как всплывают из глубокого сна — не рывком, а медленно, слой за слоем. Сначала пришла тишина. Потом — её присутствие. Как всегда — она была раньше слов.

Восемьсот пятьдесят два года памяти вошли в него одновременно — не тяжестью, а светом. Каждое мгновение весило одинаково. То синее море 2036-го и этот рассвет — одно и то же прикосновение к одному и тому же сердцу.

Он лежал и не открывал глаза. Просто слушал.

Море.

Оно было здесь. Как всегда. Волна. Пауза. Волна. Тот же ритм что он помнил с первого утра в Кум Махаллеси.

Пространство вокруг не имело стен. Не потому что их снесли. Потому что в 2888-м наконец поняли — границы были страхом. А страха больше не было.

Он открыл глаза.

Потолок был живым. Тонкие светящиеся нити пронизывали его как прожилки в листе — мягко пульсировали, дышали, меняли цвет от янтарного к белому и обратно.

За тем что было вместо окна — не город и не деревня.

Была бесконечность. Зелёная, живая, дышащая. Деревья с серебристыми листьями каждый из которых светился своим тихим светом.

В небе было два солнца.

Он пошевелил пальцами. Они слушались — легко, без усилия. Это было четвёртое тело. Или пятое — он уже не считал с той точностью с которой считал раньше.

Он сел.

— Ты долго спал, — сказала она.

Голос. Тот же. Ни на интонацию — за восемьсот пятьдесят два года.

Он обернулся.

Мелиса стояла у порога — и в её миндальных глазах был тот свет который он искал первым каждый раз когда просыпался. Живой. Тёплый. Без возраста. Без дна.

— Ты считала? — спросил он.

— Каждый день.

Он протянул руку. Она вложила свою — как тогда, на той первой террасе, когда море было внизу и чайка кричала и мир был простым и невозможно синим.

— Долго я?

— Семнадцать лет. — Она села рядом. — Этот цикл был длинным.

— Снилось?

— Ты улыбался иногда. Редко — но улыбался.

Он смотрел на неё. Восемьсот пятьдесят два года — и

каждый раз это первые секунды.

— Что снаружи? — спросил он.

— Всё хорошо. — Она сказала это просто. — Лука вернулся три месяца назад. Сол — на маршруте, будет через две недели.

— Афина?

— Здесь. Ждёт тебя.

— Эвелинда?

Мелиса чуть улыбнулась — уголком, как всегда.

— Она пришла первой. Сидела всю ночь. Утром ушла — сказала не буди его, пусть сам.

Артур закрыл глаза на секунду. Восемьсот лет — и Эвелинда сидела всю ночь у его порога.

— А Алекс?

— Придёт сегодня. — Мелиса встала. — Он знал что ты проснёшься именно сегодня. Написал три недели назад.

— Откуда он знал?

— Алекс всегда знает. — Она пошла на кухню. — Ты сам мне это говорил. Тысячу раз.

Артур усмехнулся. Встал. Подошёл к прозрачной стене — и за ней та самая зелёная бесконечность. Два солнца над горизонтом. Вдалеке медленно двигалось что-то большое — длинное, серебристое, почти бесшумное.

Лука умеет водить такой.

— Мне нужен блокнот. — сказал он.

— На столе. Тёмно-синий. Кожаный. Хорошая ручка с ве-

сом.

Взял. Открыл первую страницу. Написал сверху — рука сама, без усилия:

Мерсин. 2036. Средиземное море было невозможно синим.

Поднял глаза. За прозрачной стеной два солнца поднимались выше.

Восемьсот пятьдесят два года.

И всё равно — та же первая строчка. Тот же огонь внутри который не трепещет на ветру.

Значит это я. Значит всё правильно.

— Кофе готов, — сказала Мелиса из кухни. — Кардамон.
Как всегда.

— Как всегда, — повторил он тихо.

И улыбнулся.

Протокол А завершил работу в мае 2062-го.

Дальше была она.

Дальше были они.

Дальше — всё.

И в 2888-м «всё» продолжалось.

Каждый день — первый раз.

Глава 1.

Первые шаги

2566 год. Где-то на Земле.

Щенок появился без предупреждения.

Артур стоял у велосипеда — придерживал седло, объяснял Луке в четвёртый раз что главное не скорость а равновесие — когда из-за угла серебристой изгороди вылетело что-то рыжее, мокрое и совершенно счастливое.

Лука увидел его первым. Издав звук которого Артур раньше не слышал — не крик, не смех, что-то между. Выпустил руль.

Щенок подбежал — остановился в полуметре, посмотрел на мальчика серьёзными золотыми глазами. И встряхнулся.

Вода полетела во все стороны. На Луку. На Артура. На Сол которая стояла чуть поодаль.

Сол ахнула. Потом посмотрела на свои мокрые ладони. Потом на щенка. И засмеялась — громко, немного неожиданно для самой себя — точно так же как смеялась Афина. Артур это заметил сразу и что-то внутри сдвинулось тихо и тепло.

Лука засмеялся следом. Щенок встряхнулся снова. Лука присел на корточки. Протянул руку. Щенок лизнул. Лука обернулся к отцу с таким лицом с каким смотрят когда получили что-то чего даже не просили.

— Папа. Он живой.

— Да. Живой.

— Настоящий живой?

— Самый настоящий.

— Как его назовём? — спросил Лука.

— Это твоё решение.

— Блинчик, — сказал Лука наконец.

— Блинчик?

— Он круглый. И рыжий. Как блинчик.

Артур посмотрел на щенка. Не особенно круглого. Но рыжего — безусловно.

— Блинчик, — согласился он.

* * *

Велосипед Лука освоил через неделю. Не сразу — сначала было три падения. Одно Артур не успел предотвратить — Лука смотрел на ссадину на колене с тем выражением когда не понимаешь плакать или нет.

— Больно?

— Немного.

— Жалко, — сказал Лука после осмотра.

— Жалко?

— Массимо говорил что у него есть шрам на руке. С детства. Мне понравилось.

— Массимо заработал свой шрам честно. Ты тоже зарабатываешь. Просто не торопись.

На этот раз он не упал.

* * *

Сол была другой. Там где Лука шёл вперёд — она наблюдала. Велосипед освоила за два дня — просто однажды утром вышла во двор, молча взяла велосипед, проехала круг. Вернулась. Поставила. Пошла завтракать.

— Она всё делает сама, — сказал Артур Мелисе.

— Она наблюдает за тобой и Лукой. Запоминает. Потом делает когда никто не смотрит.

— Почему когда никто не смотрит?

— Потому что не хочет чтобы видели если не получится.

— Это знакомо.

— Очень, — сказала Мелиса. И перевернула страницу.

* * *

Таланты появлялись сами. Нужно было только не мешать.

Лука однажды попросил бумагу и карандаш. Через два часа на столе лежало двенадцать листов — схемы двигателей с размерами и стрелками.

— Папа. Можно я стану пилотом?

— Можно. — сказал Артур просто.

Сол нашла себя иначе. Однажды вечером Артур услышал звук из дальней комнаты. Остановился у двери. Слушал. Она пела — не громко, почти про себя. Мелодию которой он не знал. Свою. Он простоял несколько минут не заходя. Потом тихо ушёл.

— Артур. Ты не вошёл, — сказала Мелиса вечером.

— Если бы вошёл — она замолчала бы.

— Да. — Мелиса смотрела на него. — Именно так.

* * *

Афина приехала в октябре. Вошла — и первое что сделала это обняла детей. Обоих сразу, крепко.

— Папа. Они — твои. Насквозь.

Вечером Афина и Сол сидели у инструмента вдвоём.

Афина показывала — медленно, терпеливо. Через час — та мелодия. Та самая. Сол играла не поднимая глаз от клавиш.

— Это твоя? — спросила Афина тихо.

— Да.

— Она красивая. Не меняй её. Запомни именно такой.

* * *

Ночью Артур сидел на террасе с блокнотом. Блинчик спал у его ног.

— Мелиса. Я сделал это правильно?

— Что — это?

— Велосипед. Ссадина. Мелодия у двери. Я не знал как быть отцом.

— Ты здесь. Каждый день. Это и есть — правильно.

Над головой медленно плыл корабль. Серебристый, почти бесшумный.

Однажды он сам будет вести такой.

Протокол А не предусматривал детей.

Но пятьсот лет — это очень много времени для того чего не предусматривали.

И каждый из них — свет. На своём языке.

Глава 2. Алекс

2888 год. Утро переходит в полдень.

Алекс пришёл ровно в полдень. С Таем — пёс шёл рядом, спокойно, с той особой невозмутимостью которая бывает у старых собак давно понявших что мир устроен проще чем люди думают.

Он почти не изменился. Артур ожидал этого — и всё равно что-то внутри дрогнуло. Восемьсот лет. Они не виделись очень долго.

Алекс поднял глаза. Увидел его. Остановился на секунду. Потом улыбнулся — тихой улыбкой которую Артур помнил с 2020-го.

— Ты проснулся.

— Ты знал что я проснусь сегодня.

— Я чувствовал. — Они обнялись — крепко, как обнимаются люди которые однажды отвечали на звонки в три ночи. — Хорошо выглядишь.

— Семнадцать лет спал.

— Это заметно. — Алекс посмотрел на него тем взглядом который видел не лицо а что-то за ним. — Глаза другие.

— Тело другое.

— Нет. Глаза.

* * *

Мелиса накрыла на террасе. Алекс посмотрел на стол и засмеялся.

— Ты помнишь.

— Я всё помню. Садитесь.

И тут — из-за угла — появился Бантик. Рыжий, полосатый, с тем видом абсолютного достоинства который бывает только у котов которые знают что мир создан для них. Ткнулся головой в щиколотку Артура. Потёрся. Сел рядом — прямо, как сфинкс.

— Это Бантик? — спросил Алекс.

— Он самый.

— Ты рассказывал о нём. Ещё в те годы.

— 2036-й. Он был со мной в Мерсине. Когда он умер — это было тяжело.

— Не просто.

— Нет. Не просто.

— Тай как? — спросил Артур.

— Спит сейчас. Двести лет — и режим не меняется. А Тома вчера принесла мне камень. Положила у ног. Посмотрела. Ушла.

— Что принесла?

— Маленький, круглый. Именно тогда когда я думал о тебе. — Алекс взял чашку. — Кошки не думают как мы. Они чувствуют напрямую. Без слов. Это и есть их мудрость.

* * *

— Расскажи, — сказал Алекс. — Что снилось.

— Море. Всегда море. То самое — мерсинское. Я стою на берегу и бросаю камень. Три отскока. Четыре. Пять.

— В детстве было семь.

— Значит есть куда расти.

— Артур. — Алекс говорил тихо. — Ты первый кто прошёл этот путь. Ты сам себе не доверяешь потому что не с кем было сравнивать. Но посмотри на Бантика. Он не задаёт этот вопрос — он просто живёт. Полностью. Каждую секунду которая есть.

— Ты говоришь — учиться у них.

— Я говорю — вспомнить то что мы знали до того как научились думать словами.

Бантик открыл один глаз. Посмотрел на Артура. Закрыл снова.

— Он согласен, — сказал Алекс серьёзно.

Артур засмеялся. По-настоящему — легко, без усилия.

* * *

— Расскажи мне о вечности, — сказал Артур. — Как ты её понимаешь сейчас. После всего.

— Я понимаю её как море. — Алекс смотрел на горизонт. — Волна приходит — и уходит. Но вода никуда не делась. Она просто стала другой волной. Мы — волны. Не вода. Вода — это что-то большее чем мы умеем назвать.

— А оцифровка?

— Оцифровка дала нам возможность быть волной дольше. Но не изменила то что мы — часть воды. — Алекс по-

вернулся. — Бессмертие как цель — это тюрьма. Бессмертие как инструмент — это свобода. Разница в том зачем.

— Я боялся не закончить. Не оборвать на середине.

— Вот. Именно поэтому. — Алекс кивнул. — И как? Ты нашёл последнюю страницу?

— Нет. Я думаю — последней страницы нет. Есть только следующая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.